

Копипаста:Серега рожал — Lurkmore

Руками не трогать!

Сей экспонат был невозбранно зохвачен экспедиционным корпусом /lm/. В настоящий момент находится на бессрочном хранении в музее Уютненко Луркоморья, в назидание малым дѣтям и фольклорным персонажам. Остальным — just for lulz.

Осторожно! Шок-контент!

Ниже расположено зашкаливающее количество крови, расчленѣнки, рвотных и каловых масс или другой подобной хуиты. Настоятельно рекомендуется отогнать от экрана беременных женщин и детей, а также особо впечатлительных животных. За последствия, вызванные чтением и просмотром, ответственности не несѣм!

Серега рожал. Он лежал на земле, широко расставив согнутые в коленях черные от кровищи и грязи ноги, и тужился, дико кряхтел, мелко дрожа опавшим вдруг животом. Серые, обычно тихо-усмешливые его глаза закатились и теперь страшно белели на черном, искаженном мукой лице.

Глеб сидел рядом, гладил товарища по плечам и плевал иногда в ладони, пытаясь влажными ими освежить Серегину грудь, лицо. Ночь мерцала над ними одною своей звездой. Была тепло, парило, и тучи бежали по небу, то и дело закрывая колючую эту звезду. Серега вдруг отчаянно вскрикнул, заскрежетал зубами, и тотчас вслед этому дикому вскрику раздался долгий, но тихий плач. Младенец выпростал головенку из развороченной задницы бедолаги и шел теперь споро, бойко. Глеб сначала опешил и не сразу его подхватил. Младенец был мокрый, темный, весь в сгустках крови и кале. Сморщенный, с зажмуренными точно от страха глазами, он все время тихо пищал. Глеб сдул-смахнул с него грязь и ловко перегрыз пуповину. - Во, Серега! Ты молоток! - сказал он, поднеся новорожденного к сразу опавшему, съевшемуся лицу Сереги. Тот слабенько усмехнулся, глянул на младенца и тут же закрыл глаза. Вдали, у самого горизонта, стали мелькать зарницы. Точно громадный кто-то моргал там, урча сердито. Глеб прижал мокрый комочек локтем к себе, схватил другой рукой Серегину ногу и поволок его по глубоко вспаханной, мягкой земле к недалним кустам. Рванул теплый, но сильный ветер, и первые крупные капли, неожиданно тяжелые, ледяные, ударили Глеба по голове и потным плечам. Ливень внезапно встал сплошной чернотой вокруг, так что Глеб уже не помнил, где здесь кусты. Молнии сиренево грызли небо и, обдав все поле судорожным дрожанием светом, гасли, вспугнутые грохотом и пальбой. - Во дает! Во дае-от! - приговаривал Глеб, пряча младенца поглубже под мышку себе. Мокрый белый Серега красиво взлетал в свете молний в огромной и темной луже. Глеб вдруг подумал, что молния может ударить рядом в кусты, но тотчас же отогнал этот страх. Что-то будто шепнуло ему: не ударит, не посмеет, - они ж с младенцем... Гроза кончилась внезапно, как началась. Зарницы уже метались в другом конце поля, но гром раскатывался порою еще внезапно ярко над самою головой. Однако уже не лило: редкие капли падали с веток оказавшейся рядом большой рябины. - «Точно ведь - садануть могла!» - подумал Глеб с непонятным себе восхищеньем. Он сел на взгорок, уйдя всей задницей в мокрые, теплые комья земли, и облизал наконец малютку. Она была горька, солона, но пахло от нее такую свежестью народившейся новой жизни, что Глеб, обычно смешливый, беспечный, подумал серьезно вдруг, что перед ним человек ведь целый... - Эх ты, баклажка, - сказал он ласково, стараясь не расцарапать крошечное нежное тельце обычной щетиной своей. - Эх ты, бя...

...Стоять на коленях Глеб устал и неприметно осел задницей на пятки, сохраняя выражение тупой горечи на замаранной красной роже. Павленко уже не слушал его нытье, вышел из-за конторского простого стола, прошелся по комнате, скрипя новыми сапогами. Подошел к вдруг замолкшему Глебу: - Я те, тварь, настрого приказал: младенца свиньям скормить! Почему не выполнил? - Дак ребенок же... - начал опять Глеб и замолк беспомощно, а следом и застонал, не в силах продолжить. Павленко запустил длинную когтистую лапу в Глебову шевелюру и тянул, тянул за жесткий русский вихор. Потом выпростал член из белесых фронтовых своих галифе, провел им, еще сморщенным, темным, по Глебовой милой ряхе. Глеб готовно, точно делу обрадовавшись, губами схватил, начал чмокать, сосать, стараясь не обращать внимания на тянущую боль в затылке. Член председателя стал жестким и длинным, как и сам Павленко. Глеб старался не заглатывать глубоко, сосредоточился на алой головке. По опыту знал: это всегда забирает больше. Но Павленко пхал и пхал, напирая, чтоб глубже проникнуть в парня. Разнообразя удовольствие, хлестал упругим Глеба по носу и по щекам. Кончил Павленко, однако, для Глеба и для себя внезапно, на щеки. Густая малафья капнула на сапог председателя, и почти тотчас свернулась на нем маленьким червячком. Глеб быстро слизнул

его. - Кто выблядок-то? - спросил Павленко. - Девка... - Тем более... - Мы уж и назвали ее... - Глеб опять помутнел душою. - Поторопились! - жестко отрезал председатель. - И чего это Серега рожать на посевах удумал? - Дак... как подгадаешь-то? - развел Глеб руками. - Мы ведь раньше по пять месяцев носили обычно. - Носили вы, бляди! - Да все пацаны ведь были... - Глеб снова развел руками беспомощно и вдруг всхлипнул: - Пощадите девчонку-то!.. Павленко, меривший контору широкими шагами, остановился, потом подошел к парню, сомлевшему уж от горя, осевшему как-то набок. - Ладно ты, не реви, мудило! - сказал вдруг проникновенно, тихо. - Ты ведь одно пойми: ее же растить особо, не как пацаненка, надо. А вот как? Кто ж и знает у нас? - Да уж мы вырастим, - слово даем, ваше высокое благородие! - Слово, слово... - буркнул Павленко. - Ладно уж, под твою ответственность! Ширинку-т застегни мне, а то ласки от вас так просто и не дождешься...

Глеб как на крыльях летел. Встречные думали: вольный он теперь или в девки его окончательно записали. Но чем ближе к своему барaku на скотном дворе был Глеб, тем больше понимающих взглядов встречал он: здесь уже все знали о том, что Серега, который и рожал-то ведь редко, принес вдруг девку, - природную, настоящую девку с маленькою еще пиздой, - товар здесь редкий, почти уже позабытый. Вечером, после работы, на скотном собрались знакомые мужики: хитрый, с толстой приятной рожей Тазик Хабибулин, пленный поляк Зигмунд да братья-близняшки Федот и Нефед, оба дурашливые, смешливые, вечно беременные и с бантами меж ног. Только у Федота бант был всегда голубой, а у Нефеда - лимонного какого-то цвета. Подтянулись также ребята из МТС, из теплиц, из правления пришел хозработник. В старом корыте, в свежей соломе, розовел голый младенец. Рядом на лавке гордо сидел Серега, широко расставив мохнатые, но стройные ноги, с набухшей грудью. Он неловко поправлял солому вокруг малютки своими толстыми, черными пальцами, вздыхал и ласково-конфузливо порой матюкался. Мужики, сопя, окружили его, заглядывали в корыто, придерживая тяжелое, грубое дыхание; они жадно всматривались в младенца, точно ища чего-то, и отходили прочь, уважительно побряхтывая, качая кудлатыми и лысыми головами. Обычно, выйдя на свежий воздух, тянулись за самосадам. - Слышь, Серег, а как молоко кончится, чем кормить будешь? - спросил, лукаво скалясь, Тазик, известный прикольник. - А как мы пацанчиков наших кормим? - отвечал Глеб, ухмыляясь от уха до уха, радостный, гордый за друга - Панна будет брать в рот? - деревянно осведомился Зигмунд. - Ты чего! Она ж девка... - нахмурился Серега. Он подумал, что нужно будет как-нибудь всей фермой отсбавить эту вражину, чтобы так не хамил. Глеб не сразу сообразил, поморгал часто-часто и открыл осторожно: - А как же еще, Сережка-г? - Ты еще! Дубина... Она же де-вуш-ка! Разве с ней так возможно? Да она, верно, и не проглотит... - А картошку? - деловито осведомились разом Нефед с Федотом. - Картошка ж для нее еще тяжелее! - сказал Серега строго, но гораздо, гораздо мягче. - Ротиком не ухватит... - А пюре? Его пить можно, - сказал Тазик. - Это другое дело! - кивнул Серега. - Только оно ведь без витаминов. Один крахмал. Мужики тяжело задумались. - Я траву для нее собирать буду, для Феньки-то, - вдруг очнулся от думы, просиял Глеб. - Белену, что ли? - спросил Тазик. Мужики грохнули. Даже Зигмунд вдруг улыбнулся тоненько, ядовито. Федот с Нефедом устали думать, легли на грязный пол и занялись вечной своей любовью. Тазик помочился на них в самый такой момент. Зигмунд тоже хотел, но его отогнали: нечего, мол, раз уж пленный. Горн у правления дал сигнал отбоя, все кинулись по своим баракам. Серега с Глебом остались одни. Глеб почти суеверно потрогал Серегу за набухшие, большие его сосцы. Тот взял расхныкавшуюся малютку, облизал ее и сунул к соску. Фенька сразу успокоилась, зачмокала деловито, важно. - Даже глядеть приятно, - сказал Глеб. - А ошущенья? - Ничего себе. Сосет же. - Так не то ж сосет! - Да ладно тебе! Хорош придираешься... Поев, Фенька успокоилась и уснула. Серега уложил ее в корыто, прикрыл соломой, тряпочками. Потом лег на полати, расслабился. Глеб осторожно начал его качать, разминал ему с доброй, рассеянно улыбкой. - Знаешь, - сказал. - Я так люблю твой хуй ласкать! Он у тебя какой-то... ну это... Ну башковитый, что ли. Серьезный он! - Смешной ты, Глеб! Фантазер мой милый... - Во-во, только наедине можем по-людски объясниться. А так на этом поганом, нечеловеческом воляпюке. - У нас же с тобой серьезно... - А у Тазика с Зигмундом несерьезно? А у Федота и кошмарного Нефеда этого? - Почему Нефед-то кошмарный? Ты спал с ним, что ли? - Раз всего. Но ведь два часа меня он!.. И не спускал. - А если это любовь? Петрушка-то у тебя от кого? - Петрушка от Федота, но это так, совсем даже скучно было. Банально как-то, и только в рот. - Но Петрушка крепкий парень ведь получился! Сколько ему, - пятнадцать, да? - Уже Павленке сосет вовсю. Ты хоть попробуй с ним, вы же не родственники. - С кем? С Павленкой? Парни захохотали, но тотчас и придушили хохот: ребеночек заворочался, заурчал. Среди ночи Глеб разбудил Серегу: - Слышь, Сергей! Я придумал, как ее искусственно прокормить. - Ну и как? - еще сонно спросил Серега. - Пюре, а в него потрухаем все мы, кто хочет. Вот тебе и витамины, Серж! - Эх, жаль, что красные опять победили, Глебчик! При коммунистах мы могли бы позволить себе молочные смеси из ГДР... Ночью Глебу приснился салон и он, совсем юный и скромный паж, играет на фортепьяно. За синим окном метет метель очередного переворота. А Глеб не думает уж о нем: он положился на судьбу совершенно. Той же ночью пришли к нему моряки, разбили фортепьяно, нассали в вазы, а Глеба «поставили на правож», то есть ебали придирчиво-долго, глумясь и дымя его же гаванскими сигарами. Глеб потерял сознание. Очнулся он здесь, на ферме, в кровавом дерьме из собственной жопы. Над ним склонилось широкое смуглое лицо молодого мужчины. Он пристально вглядывался в Глеба. Тот вспомнил, что можно уже не жить, собрал всю харкотину и изрыгнул ее в рожу хама. Сил, впрочем, ему не хватило: харкотина вся упала ему же на подбородок, стала стекать на грудь. - Дура! - изумился чернявый хам. - Я ж тебя полечить хотел... Это и был Серега...

Время жатвы подкатило в середине августа, как всегда, вместе с жаркими последними днями и бархатными ночами, когда уже полночь над разомлевшей землей загадочно и тепло посверкивал звездопад. Деревня неделями пустовала. Все мужики дневали и ночевали в поле. С рассвета там тархтели тракторы, едва попевали веять и молотить. Павленко, весь черный от пыли, насадил глотку и теперь молча раздавал хлесткие удары своей нагайкой. На нее, впрочем, уже недосуг было и оглянуться. Серега и Глеб одни остались на скотном дворе, и им было немного совестно, что они не участвуют в общей битве за урожай. Серега ходил с перевязанной грудью и даже прихрамывал. Глеб тревожился за него. Но Фенька в корыте своим и горя не знала: ела, кричала, писала, какала и спала. Наконец, Павленко выгнал в поле и Глеба с Серегой. ...Стемнело. Во втором часу ночи все уже улеглись под комбайны. Глеб с Серегой и Фенькой приткнулись в стожке на краю большого луга. Серега покачивал корзинку с Фенькой, а Глеб перебирал его черные волосы возле уха. - А странно... - сказал вдруг Глеб задумчиво и туманно. - Что странно? - откликнулся тотчас Серега, млея от ласки, но и озлясь на Глеба: Фенька только уснула, зачем бормотать сейчас-то? - Странно, что ты девчонку родил. Раньше из нас обоих я ведь рожал, и одних пацанов. А теперь вдруг ты, - и сразу здрасьте вам, женскую особь! Что-то меняется в нас, ты не находишь? - Тс-с! Какая разница, дурачок? Звезды, мохнатые, добрые, близкие, как морды серебристых собак, мерцали над ними. - В душе покоя не-ет... - запел Глеб тихо, ласково. Фенька завозилась, норовя проснуться. Глеб резко встал, отошел за стожок. Ему вдруг стало тревожно, захотелось схватить Серегу за плечи и тормошить его, тормошить, крича: «Я не хочу больше, чтоб девок! Ее ж заебут, пойми!» Глеб не стал курить возле стога, быстро пошел к речушке между черных ракиг. Вода обожгла: здесь били ключи. Глеб сразу упал на дно, схватил зубами что-то юркое, скользкое, мягкое, проплывавшее мимо. Хрустнул косточками, сглотнул, - наверно, рыбешку. Потом резко ударил задницей о корягу и вынырнул на поверхность. Дышал тяжело, распахнувши губастый рот, но не плыл, - лежал на воде, раскинув руки и ноги, звездой. Раза два в спину ему ткнулась колючая рыба. Глеб вспомнил, что однажды, когда он лежал вот так же, раскрывшись, - в жопу ему заплыла пиявка. Глеб хмыкнул, перевернулся, поплыл споро к берегу. Душа была вновь спокойна. К тому ж урожай уже весь убрали, завтра в полдень Мокось звала хлеборобов на праздник свой.

Утром, чуть свет, мужики потянулись со стана к Павленковой избушке, кособоко стоявшей на взгорке у въезда на ферму. Молча, зевая, почесываясь, рассаживались они у палисадника прямо на траву, еще мокрую от росы. Привычная кожа принимала влажную ласку земли с сонным равнодушием. Стояла тишь, небо рассветало медленно и лениво, но знобкость раннего августовского утра быстро прошла, испаряясь желтоватым туманом. Тазик Хабибулин пришел на этот раз в обнимку с Федотом. Нефед приехал верхом на пленном Зигмунде, который весь был потный от напряжения и красный от ненависти, и, как всегда, молчаливый. Нефед аж рот раскрыл, увидав, что Федот ищется в паху у хитрого Хабибулина. - Ты чего? - вякнул Нефед ошарашенно, засопел и вдруг заругался кудряво, длинно. - Ах ты, бля, бля, бля... Пидарас порватый! Федот смуглится, отсел от Хабибулина, только стрелял глазами порой в смуглого, с черной шерстистой грудью татарина. Тот откинулся на штакетник, утомленно прикрыл глаза темными веками, - видно, чернил их на сон грядущий. Федот всегда просил мужиков, чтобы ебли его с косметикой на лице. Те смеялись над ним, но прихоть невинную выполняли. - Ты чего, Нефедка, ворчишь? - спросил удивленно Серега и даже корзинку с Фенькой перестал качать. - Сам, небось, с Зигмундом всю ночь сосался, а братана за еблю с другом, мудака, винишь! - Как же, он же ж от меня уже ждет! - закричал Нефедка, почти как заплакал. - А Хабибулин, небось, мальчика моего всего придушил винтом своим длинным... - Ща проверим! - строго сказал Серега. Федотка пожал плечами, молча встал в стойку. Толстая его задница с двумя русалками открылась дотошной красной ручище. Серега запустил, просунул потом поглубже. По его внимательному, напрягшемуся лицу было видно, что он нащупал там что-то. - В порядке малец твой! - сказал он затем, но все еще шарил. - Шевелится... Ой, а это что?.. Серега напрягся и потянул. В руке у него блеснуло что-то. Мужики сгрудились, рассматривали. Нефед даже лизнул недоверчиво. - Шарик, бля, каки-то, - заключил Нефед. - Железные вроде на скус. - «На скус»! Деревня!.. - передразнил вдруг Глеб. - Это ж шарики такие! Для удовольствия чтоб. Помню, у нас в Петербурге... - Хуя ль пиздишь? - спросил Федот. - Они ж холодные, бля, небось, - какое ж и удовольствие?.. - Заткнись! - Серега внимательно покрутил пять сверкающих шариков на бечевке между черных от грязи неловких пальцев. - Глеб, ты ж из нас один образованный, - говори! - А что говорить? Вы разве поймете... У Павленки я их видал... - Да это что ж, мужики, татарин у начальника спиздил их? - спросил Серега грозно. - Ах ты, блядь! Харя ты косоглазая! Хабибулин струхнул, побледнел под медным своим загаром: - Чего, мужики? У него еще есть... Он и сам поиграться мне дал. - А ты что - дите - с цацками такими играть? - все еще грозно наступал на него Серега. - Да бери их, бери! - отступил Тазик и махнул рукой. - У тебя ж девчонка... - Ладно, гад, потом разберемся... - сказал Серега и спрятал, очень довольный, шарики под тряпье в корзинке с Фенькой. Глеб хитро подмигнул дружбану, но Серега сделал бесстрастное, невнимательное лицо. Тут и Павленко к ребятам вышел. Те легли в кружок, кверху задницами. Павленко, спустив трусы, присел между их голов. Потом мужики поели, стали Павленку всего облизывать. Тот поворачивался к ним, поднимал руки, ноги, кряхтел от удовольствия. Совали и в рот, но Павленко выдергивал, не хотел пока. Да и нужно было для Мокось побережь. Закончив свой туалет, Павленко хлопнул в ладоши. Глеб и Серега, как старшие, открыли сарай при избе, вытянули из черного его зева короб, полный сапог, штанов, рубашек. Сначала одели Павленку

во все новое, - в зеленый, из хлопка, френч, в зеленые шаровары с лампасами. На ногах у него возникли розовые, с загнутыми носками чуваки, - их при поступлении в колхоз Павленко у Хабибулина отобрал. На голову себе Павленко надел всю в золоте конфедератку пленного Зигмунда. Мужики зацокали языками, - так понравился им нарядный, свежий с утра председатель. Солнце уж ярко горело над елками ближнего бора, что от взгорка уходил к самому горизонту. Мужики и сами оделись. Кому достались штаны, кому майка. Глеб и Серега получили каждый по сапогу. Мужики выстроились в ряд, радостные, взволнованные. Федот с Нефедом, оба в шапках и, как всегда, с бантами на членах, затеяли пихаться локтями, два дурака. Павленко сунул кулаком одному в рыло, другому под дых, - вроде братья угомонились. - Вот что, ребята! - сказал Павленко, обходя притихший, торжественный строй. - Мокошь к нам нынче прибудет где-нибудь в полдень. Какая программа у нее на этот раз, я не знаю. В прошлые разы она была то бабкой в гробу, то девкой верхом на корове. Чего теперь удумает-учудит, - хуй ее знает. Но! И тут Павленко воздел мосластый кулак прямо к лицу Сереги: - Чтобы мне на Феньку не отвлекаться! Потому Мокошь, какая бы она ни была, обидится и даст нам пизды, - в переносном, конечно, смысле. - Бабы - бабы они и есть! - зашумели в ряду согласно. - Им бы только мужикам пизды дать в охотку. А так, чтобы по-человечески... - Р-разговорчики! - прикрикнул Павленко. И вдруг не выдержал - пал на грудь Хабибулина. Тот осторожно погладил председателя по спине, по жопе. - После Мокоши - приходи! - жарко шепнул Павленко. И тотчас воспрял орлом, гоня мгновенную сладкую слабость: - Чтобы поле мне все ухахали, бляди! Шаго-ом - арш! Мужики дружно ударили ногами в мягкую землю. Грянула песня, которую здесь всегда на праздниках только пели:

Наш председатель - самый умный! Ебет он нас, как ураган. И пролетарии всех стран Ссут на него потоком шумным...

Никогда еще Серега не чувствовал так отчетливо, так яростно-ясно близость свою с ребятами и с Павленкой милым. Он шагал впереди всех, прижимая к себе корзинку с Фенькой. Та плескала ручонками в такт удалой, бодрой песне и агукала, пуская пузыри, - точно понимала уже всю радостную ответственность наступающего момента. Потом пустила струю. Серега вжал лицо в корзинку и жадно пил сладенькую такую...

К приезду Мокоши мужики вспахали все поле, повалились на нем, поиграли друг с другом и, потные, чумазые, встали, блестя улыбками и белками глаз, у самого края пашни, обочь дороги, ведущей в деревню баб. Павленко заметно разволновался, подозвал к себе Хабибулина. Тот ввел председателю быстро, споро и заработал, с почтеньем глядя Павленку по груди, по яйцам, по животу. Только спустил татарин, как самый глазастый - Федот - радостно закричал: - Едут! Едут! Везу-ут!.. Мужики сразу же построжили, подравняли строй. Павленко быстренько застегнулся, а Хабибулин стряхнул остаточек в пашню и сдержал струю. ...Мужики стояли недвижно, тесным рядком. Шеи их вытянулись, а Федот с Нефедом даже рты раскрыли. Павленко снял кепку и приосанился, разглаживая длинные черные космы, наискосок прикрывшие его острую черепушку. Мошка залетела в рот Нефеду, - тот даже и не заметил, сглотнул машинально - и снова глаза таращить. И все ближе, ближе похожий на частый стукот настойчивый звук; вот он уже превратился в бодрое тарахтенье. Наконец, навстречу опешившим мужикам вырвался из-за косогора черный мопед с косматой рыжей девахой, а за ним, на прицепе моталась по ухабам небольшая розовая цистерна. - Говно? - деловито спросил Серега, не отрывая от цистерны глаз. - Говно, наверно... - пожал в ответ Глеб плечами и тоже вперился в мопед. Возле Павленки деваха ловко затормозила. Вся она была перевита пулеметными лентами, а вместо левой груди у нее болтался браунинг в мешочке из целлофана. - Здоров, сосед! - Здравствуй и ты, соседюшка, коль не шутишь... - осторожно поклонился Павленко в пояс ей. - Расстреливать надо вас, а не шутки шутить, - буркнула тут деваха. - Мокошь-то поделуй хотя бы! - Да и где же она, Мокошь-то, кормилица-т наша? - запел Павленко, но довольно робко. - Глаза разуй! - с презрением усмехнулась гостя и ткнула локтем в сторону цистерны. - Какая Мокошь нынче крупная стала, вот ведь страсть! Никогда и не подгадаешь, - залопотал Павленко и кинулся суетливо к цистерне, увязая в глубокой рассыпчато-пыльной пашне. Он подбежал к цистерне, пал на колени и с чувством облобызал сначала колеса, а потом и саму цистерну. Деваха усмехнулась краешком губ, подошла вразвалку к нему, открыла кран. Павленко приник, пил жадно, не отрываясь, лишь изредка переводя дыхание. Он утирался локтем и тотчас пытался его облизать. - Да ладно тебе! - сказала деваха. - Всем достанется. Еще искупаются в них... Когда Павленко, весь хмельной, икая, упал в глубокую борозду, к цистерне по знаку девахи приблизились остальные. Приникали сначала робко, но тотчас входили во вкус, хватали губами кран, пихались. Федот, уже напившись, отполз, но потом опять вернулся и схватил Глеба за русский его вихор. Деваха пнула Федота легонько. Тот вжал голову в плечи и тотчас уполз под колеса цистерны. Там он от души, с облегченьем опорожнился. Но и говно его пахло теперь нежными, кисло-сладостными духами. У мужиков уж животы округлились, поднялись, и теперь они подставляли под струю головы, плечи, спины. Хмельные, ползали в бороздах, кувыркались, ляпали друг на друга ошметки жирной, разомлевшей от пролитых духов земли... - Мокошь-то, Мокошь нынче! Эт тебе не как в запрошлом годе бабку живую в гробу паять! Иль девку с коровой ее, - хуй не встанет!.. - Давай, бочку выебем? - спросил вдруг Нефед Хабибулина. Вместо ответа тот взял Нефеду за крупные жесткие его уши и долго, пристально смотрел на него, так что Нефед, наконец, смутился: - Ты чего, Тазик? Я ж не со зла, я ж просто так те вякнул... - Просто так, говоришь? - спросил Тазик, глубоко вздохнул и погрузил свой длинный

язык в рот смутьяна. Зигмунд пристроился, было, обмыть свой член в пахучей струе. В него стали бросать комья земли: нечего, мол, паскудничать, басурман! Это ж святое, на хуй... Между тем деваха склонилась над Фенькой. Та захныкала из своей корзинки, потянула ручки к браунингу. Деваха протянула младенцу палец, та стала сосать. Деваха вдруг смутилась, покраснела. - Взять бы тебя к нам... - раздумчиво сказала рыжая гостья и провела себя мечтательно, томно по крутым веснучатым бедрам. Пьяный Серега попытался сзади ее обнять. Та молча сунула каблук сапожка ему под дых. Серега повалился рылом в землю - просить прощенья. - Твоя? - спросила деваха равнодушно и деловито. - Наша, - буркнул Серега в землю. - Хороша бабенка! Не смейте ее паять, - мы вам лучше коров за нее пришлем. - Коровы-то есть у нас... - Какие у вас коровы?! Одно дерьмо! А наши мясомолочные англичанки... Хочешь с англичанкою-то, небось? - Че ж, раз надо... - ответил Серега совсем смущенно. - Блядун! - засмеялась деваха. - Хорошо, у нас вовсе мужиками не пахнет. Такое всегда дерьмо, прости господи... Деваха разбойно свистнула в два пальца. Мужики поползли к меже. Деваха махнула на свой мопед, газанула резко. Порожня розовая цистерна запрыгала за нею по колеям дороги. - Ну, Мокошь, бля, накормила!.. - говорили потом мужики с полгода и мотали головами в немом, сладостном восхищенье.

...Прошло лето, зачастила дождями осень. Потом, однажды проснувшись, все поняли, что наступила уже зима. Бегали, кувыркались в снегу, как дети, жмурясь от непривычной, глаза резавшей белизны вокруг. Федот и Нефед, напялив коровьи шкуры, сошлись прямо в сугробе. В них бросали снежки, а Павленко лупил их по голым задницам густою еловой лапой, - подгонял. Зигмунда по традиции обрядили в тулуп, нацепили бороду из свалывшейся пакли и заставили отсосать всем кобелькам в округе. С хохотом, гиканьем, улюлюканьем музыки ловили очумевших от страха собак, но часто, распалившись от возни и погони, не доносили до пленного, - резвились с пойманным сами. Тазик Хабибулин напялил косу и лифчик и строго следил, чтобы Зигмунд не уклонялся, работал честно и с огоньком. Тот кашлял, давился и изредка шипел какие-то свои, не понятные остальным слова. - Ишь, супостат! - ворчал Павленко. - Русских собак решил, подлец, сторониться. Не увернешься, гад!.. И тут Павленку вдруг осенило. Он взбежал на крыльцо к себе, скрылся в избе. Долго не появлялся. Потом вышел весь желтый, страшный. Черный вихор свалился с остренькой его лысины и болтался возле левого уха, точно перо воронье. - Где? - тихо, свистящим шепотом спросил он вмиг сжавшихся, сомлевших от ужаса мужиков. - Где мои шарики, бляди? Мужики молча повалились в снег, выставив задницы. Может, кого изъебет да душой притихнет?.. Федот с испугу пустил струю. Она пробуравила снег глубоко и дымно. Но Павленко и не заметил; харкнул в сердцах на спину Зигмунду и повернул в избу. Хлопнул дверью, шелкнул задвижкой. Крикнул: - Будет вам председатель!.. Мужики полежали в снегу. Первым завыл Нефед. Его поддержали Федот и зачем-то Зигмунд. Хабибулин крепился, но тоже завизжал вдруг пронзительно, как ребенок. Вступили басовито, красиво Серега с Глебом. Через минуту весь колхоз вежливо, тихо, однако ж без передышки выл. И вторя людям, собаки завывали тоже по всей округе. Павленко выставил из форточки ружье, пальнул. Галки с криком сорвались с веток и закружились в воздухе очумело. ...Серые сумерки наступали быстро, а колхоз все лежал в снегу и протяжно выл. Павленко давно уже перестал стрелять: патроны, видать, прикончил. Ближе к полуночи расползлись по своим загонам. Павленко у себя даже лампочку не зажег. Все ждали утра, и никто не спал.

К ночи оттепель кончилась, подморозило. Яркая луна вползла на небо, глядела в окошки хлева белым изъеденным черными елями привидением. Серега задумчиво, машинально покачивал корзинку с затихшей Фенькой. Глеб делал вид, будто спит. Но не выдержал и вскочил, наконец: - Не могу я так больше! - зашипел приглушенно, зло. - Я образованный человек, бывший паж, а ебусь с коровами, с каким-то Нефедом диким; почему-то Павленку боюсь, хама лысого... Не могу!.. - Не можешь терпеть - соссы. Чего орать-то? Я, может, и не такой образованный, как ваша, блядь, светлость, а и мне паскудно порой. Но живу же! - А с ней что будет?! - почти в голос крикнул Глеб, ткнув пальцем в корзинку с Фенькой. - Откуда ж известно мне? - горько спросил Серега. - Мое дело - дочку вынянчить, на ноги поставить ее... И нечего: Павленко - неплохой ведь мужик, ебучий... - А когда она ему надоеет - тогда что? Федоту с Нефедом отдаст он ее! Или еще того хуже - Зигмунду-стервецу! Ты об этом ни разу, поди, не подумал? - Че ж: они тоже люди... - Дур-ак ты! Жизни не видел, не знаешь!.. Она б на балу могла, в Петербурге. Платье на ней со шлейфом, брильянты на голове. И кружится с ней не грязный мудака Федот, а кавалергард какой или наш братишечка из пажей, к примеру... - Ты че ж, еться с нею хочешь? Ты ж отец ей, пиздюк поганый!.. - Да не трахать хочу я ее, а воспитывать по-людски, по-светски! Она ж от меня кровь благородную получила! Мы же Рюрикова семени, ты пойми!.. - Не знаю, какого вы там с ней семени-племени, а ебаться с дочкой тебе не дам! Вырву причиндалы-то, - так и знай! И чего это ты ее барышней сделать все норовишь? Ей тогда и запах наш тяжелым покажется, и стесняться нас будет всех... Я уж при ней с коровами или с тобой даже не пошали... Че ж, за что мне от родульки моей такое мученье?.. Острая жалость к другу пронзила Глеба. - Вот и я думаю, - вздохнул он, тяжело сядя на сено. - Как со всем этим быть? Угораздило же тебя девкою разродиться!.. - От тебя ведь и рождена! Ты ж не в дальних краях, не в лесу таскался... Чтобы успокоиться, Глеб подрочил о столб и спустил Сереге на враз подставленное плечо. Размазал. Серега вдруг рассмеялся тихо: - Она уж спит! В задницу меня ведь мог бы!.. Но тронулся заботой Глеба о дочери. Глеб лег под Серегу. Тот тужился, а друг яйца ему быстро-споро пальцами все ласкал. Наконец, из Сереги выползла большущая колбаса, покачалась мгновение, как бы дивясь луне,

и упала Глебу куда-то в пах. - Погрейся! - сказал Серега. Глеб хохотнул, приник губами к Серегиной заднице. Тот сторожко, тихонько водил бедрами и кряхтел от острого наслаждения.

...К утру стало знобко даже Сереге с Глебом. Пар от говна на полу и дым чадившего очажка уже не справлялись с морозом, что оковал деревню. Парни ворочались во сне, терлись друг о друга, и каждому снилось, что он карабкается по оледеневшему сугробу к широко расставленным, отчего-то громадным ножищам Павленки, а Фенька уцепилась тому за хрен, ручонками перебирает, визжит, - то вперед, к алой головке подтянется, то опять к черной густой волосне отступит. - «Хуя!» - подумал Серега. - «Нужно дите спасать...» А Глеб подумал: что-то член у Павленки больно уж тонок. В жизни ведь не такой... И оба решили морду Павленке набить, если ребенка так будет мучить...

...Дверь с грохотом отлетела и повисла, скрипя, на одной петле. Серега и Глеб очумело таранились на облако морозного пара; в его клубах они не вдруг углядели Павленку, - босого, в одном исподнем. - Бляди! - рявкнул Павленко. - Шарик где, сучары?!.. Серега сорвался вдруг с места, метнулся к корзинке и вытянул из-под заоравшей Феньки что-то блестящее, небольшое. Раскрутил, метнул это в лицо Павленке. Тот на лету поймал, жадно вглядывался; понюхал. - Не пользовались вы, что ль? - Дитю отдали, играло чтоб, - мрачно буркнул Серега, уставя себе под ноги. Пальцы на ногах у него шевелились как бы сами собой, между ними точно вскипали жидкий навоз, солома. - Вот и доплясался с дитем! Подлец! - вдруг налился весь кровью Павленко. - Кабы не татарин, меня б Кондратий уже хватил... Казнить тебя будем теперь, - страшно, на хуй, казнить! Серега молча, как бы и равнодушно, хлопнулся рылом в солому. Лежал недвижно, точно ожидая удара, плева, руготни хотя бы... Павленко и плюнул - но отчего-то не на него, а в сторону, так что на Глеба пришлось немножко - и вышел, на пороге ткнув Хабибулина кулаком в живот. Тазик согнулся с коротким стоном, но тотчас метнулся из хлева прочь: боялся, что ребята захотят вдруг мстить. Глеб с Серегой тяжко молчали. Серега даже и не ворочался на полу. Глеб, лежа на топчане, глядел в потолок, не моргая и обреченно. И только Фенюшка надрывалась, вопя за всех...

..... Целый день делал Павленко вид, будто ничего-то не происходит. Сидел в конторе, ругался по телефону, но вдруг метнулся зачем-то на МТС, где истоптал ногами Федота за какой-то технический недогляд. Но даже и получая свои удары, Федот, как и все в деревне, помнил, что вечером будет казнь и что Серега может не выдержать этой муки. - Чего ж! - гутарили мужики. - Серегину шкуру пустим на сапоги, сгодится. А Глеб найдет себе - молодой. Ему еще рожать и рожать!.. А семья-то, вишь какое змеиное у него: девку Сереге набил. Это, помнишь, в прошлом году, когда мы Зигмунда в праздник урожая в чане с дерьмом купали? Тогда, возле чана, Глеб Сереге девку-то и впаял... - И чего это Хабибулин Серегу нашего заложил? - А вишь - татарин он! Ему бы только христианскую душу пожечь-помучить. - Да не! Хабибулин - мужик, что надо! Это Павленко любит, чтоб с шариками его ебли. - Чего брешешь-то? Я с ним всегда без шариков обхожусь! - Дак он только когда с Хабибулиным если! У татарина хуй обрезанный, - ему и баско. - А Павленко при чем тогда? - Вот балда! Раз татарину баско, значит и ебется он, ровно как заведенный. А без шариков - прям, как все. Смекать же надо!.. - Короче, не татарин - жил бы мужик да жил! - Ты об ком? - Да об Сереге! А теперь только на сапоги... - Теперь только на сапоги, понятно...

Уже к трем часам дня небо начало все приметней меркнуть, снег ярче вдруг забелел, но почти сразу солнце скрылось за ближним лесом. Небо стало стеклянно-синим и почернело. Вызвездило. Ярko и высоко индивела среди этой звездной тьмы маленькая луна. Серегу начали мучить сразу после захода солнца. В контору его привели Федот с Нефедом. Сзади них тащился унылый Глеб с лукошком, в котором лопотала что-то свое благодушная сытая Фенька. Слезы замерзли в щетине Глеба; он шмыгал носом, старался не говорить. Глупый Нефед помечтал вслух о сапогах, - Федот врезал локтем ему под дых. Нефед обиженно замолчал и тоже зашмыгал носом. Павленко уже их ждал. Он явно нервничал, он даже принарядился: надел новые валенки и плотный серо-зеленый френч. От черного его клок на макушке духовито наносило перебродившим «Шипром». С каким-то вроде и сожаленьем глянул Павленко в глаза Сереге и тотчас же отвернулся, гася, давя в себе внезапную жалость к парню. Не очень ловкий и расторопный, Серега, однако, всегда добросовестно отдавался... Мужики молча, сопя, теснились у двери, не смея дальше шагнуть, - туда, где были стол, стул и маленький пегий половичок. Сразу за ним громоздилось такое, чего они осмыслить никак не могли, - а может, и не хотели. Это была наклонная доска с ремнями для рук и ног. В верхнем конце доски были штифты-зажимы, обмотанные пуками ваты. На столе невинно сияли шарик и розовый хуй с моторчиком, - ясно, Павленко задумал под конец поглумиться над осужденным. Мужики враз смекнули, что это последнее и всего опасней: бдительность еще потеряешь, решив, что, может, и будешь жить... Повисло тягостное молчание. Лишь Фенюшка лопотала, - наверное, о весне. Наконец, Павленко кивнул, и Нефед с Федотом толкнули несчастного к роковой доске. Мужики с невольным, внезапным и для себя пристальным интересом наблюдали приготовленья. Вот голого Серегу разложили на доске. Вот привязали кисти рук ремнями. Вот ноги согнули в коленях сильно, развели и укрепили ремнями тож. Вот зажимы мягко, но плотно сошлись по бокам Серегиной головы... - Лучше б сразу убил... - шепнул вдруг Федот Нефеду. Тот лишь зло покосился на Тазика, жавшегося в углу, но не пустил струю: чисто вокруг, ведь контора... Потом вдруг вспомнил, подумал о сапогах, - но опасно, с оглядкой на Федота. Павленко медленно, как бы нехотя, подошел к беспомощному

Серее, расстегнул мотню на белесых своих галифе. Мужики молча смотрели на всем им знакомый хуй, - смуглый, нетолстый, длинный. Павленко крикнул и, словно отуманенный раздумьем, положил свои яйца на губы сомлевшего от тоски Серее. Тот машинально лизнул. Павленко подсел поближе. Теперь язык Серее уперся в очко Павленки... Потом отступил Павленко, и кончик хуя окунулся на миг в высохший от ужаса прудик Сереего ротка... Председатель играл с Сереегой, как кошка с мышью. Мужики затаили дыхание, ждали главного. Однако Павленко и не думал пока кончать глумиться. Кивнул Тазику, - тот приник, как тать, к Сереегой вялой трубочке, стал дышать на нее и водить по ней щетинистой щекой. Сереега дернулся, застонал. Тазик замотал головой, плечами, обсасывая усердно. Сереега чуть подвывал. - Блядь: откусит, небось, татарин! - шепнул тревожно Федот Нефеду. Зигмунд услышал его, таинственно улыбнулся и посмотрел на дверь. - Ниже возьми! - сумрачно приказал Павленко. Тазик опустил на колени, продел ладони под Сереегой ягодицы, нащупал языком сырое уже очко, стал водить по нему, пытаясь проникнуть вглубь. Потом сам возбудился, - поднялся с колен с косым дымящимся, сизым членом. - Не смей ебать! - крикнул Павленко почти плаксиво. Мужики вздрогнули от такого крика, переглянулись. Ясно стало: Павленко задумал и впрямь что-то дикое, извращенно-жестокое, что бывало с ним крайне редко. - Шарик со стола возьми, - глухо велел Павленко. Татарин взял шарик. - В жопу ему засунь! Тазик ловко исполнил. Сереега застонал, пытался бедрами поворачивать, - и не смог, беспомощный, как бабочка на булавке. - Теперь хуй туда же... Да не свой: с мотором который! Хабибулин сердито сделал. - Хабибулина-то мучит зачем? - спросил Нефед у Федота. Тот сунул брату под дых машинально. Зигмунд опять змеино, подленько ухмыльнулся. Тазик с перекошенным, зверским лицом вдел Серееге и включил моторчик на частые обороты. Сереега забился, завыл. Павленко закатил ему в рот, так что Сереега поперхнулся, закашлялся, задохнулся от собственного крика и от слюны. К тому же Павленко, наверно, начал мочиться, как и любил обычно в таком положении. Лицо у него вытянулось, на тонких губах мелькнула усмешечка, но тотчас исчезла. Сереега больно булькал, глотал, но брызги фонтаном летели Павленке на галифе. - Ах ты гад! - осклабился Павленко. - Хабибулин - и ты вдень! Да не хуй, - пальцы, сколько войдет... Смуглая, черная от шерсти кисть Тазика вся ушла в Сереегину задницу. Другой рукой татарин сжал страшно разбухший свой причиндал. - Не смей! - рявкнул Павленко. Рука Хабибулина повисла плетью, точно ему плечо прошибло. С конца багрового хуя упали скупые капли... Глеб вдруг подумал, что все еще кончится хорошо. - Ну-ка ты, кверху жопой, блядь! - прикрикнул Павленко. Хабибулин метнулся к нему и навис хуем над подбородком Серееги. Задница Тазика оказалась рядом с председателем темным членом. Павленко гикнул и вдел в Хабибулина без смазки. Татарин охнул и застонал. Впрочем, тотчас поймал ритм, привычно стал поддавать. Сереега ловил губами его яйца, но член татарина цапнуть губами не мог он. - Ему соси! - прохрипел, весь сизый, Павленко. Тазик губами жадно схватил хуй Серееги. Сереега опять застонал. - Покусывай! Понял, блядь? - приказал Павленко. Хабибулин с радостью пустил в дело зубы. Мужик заорал, но татарин душил его крик своими яйцами и ритмично дергавшейся потной промежностью, так что Сереега фактически лишь глухо, утробно выл. - Пан кусает пана до крови, надеюсь я? - осведомился надменно Зигмунд. Глеб показал молча ему кулак, отвернулся и только тут заметил, что Фенька, привстав в корзинке, ухватилась ручонками за плетёный бортик и во все глаза глядит на происходящее. - Бедный эби! - чуть не вскрикнул Глеб по-английски. Он понял, что воспитывать Феньку теперь, наверно, поздно уже...

Наступила весна. Задница у Серееги давно уже заросла, и теперь об его экзекуции вспоминал разве что только Зигмунд. Он осторожно, как бы лаская, касался Сереегих ягодиц и читал вслух огромные буквы татуировки: - Во-рю-га... Сереега смущался, густо краснел и унылым матом отгонял поляка. Тот, отходя, что-то шипел себе под нос. Хабибулин чаще, чем прежде, отдавался, льнул к Серееге: видно чувствовал тать свою вину. Но Сереега его простил и охотно позволял вылизывать себе задницу и ступни. До этой ласки он был в деревне самый большой охотник. Павленко крутился с подготовкой к севу, подгонял мужиков и даже почти не ебся. Лишь изредка, бывало, зайдет к Серееге с Глебом, наклонится над корзинкой, хуем своим помашет. Фенька залопочет что-то, пытается ручкой ухватить. Павленко ее мечтательно между ног погладит и опять по хозяйству идет крутиться. Фенька стала уже ходить. Павленко подарил ей свою старую майку, и в ней девчонка была, как в длинном бальном платье. Глеб учил ее делать реверансы, учил первым французским фразам. Сереега тоже души не чаял в своей дочурке и все хотел поделиться с ней своим сокровенным, - приобщить, что ль, Фенюшку тоже... Возьмет ее на руки, поднесет к коровам, к самым пегим крутым задам и сунет руку корове в жопу. Потом вынет, покажет Феньке: - Ну же! Не бойся! Попробуй ты... А Фенька сконфузится, фыркнет и только корову по теплому мохнатому боку погладит. Дескать, а мне-то что?.. Приходили еще мужики, Феньку ласкали, таскали гостинцы ей. Любили, чтобы она им всем в рот мочилась. Облизывали затем дотошно, и девчонка визжала от удовольствия. Она уже знала, что такое «взять в рот» и с интересом, притихнув вся, наблюдала, как сходятся ребята друг с другом или с коровами, - сходятся истово, часто с прибаутками и надрывом. Глеб просил при ней не очень-то выражаться. Мужики матюкались потише, блюдя приличие при ребенке. Павленко как-то пообещал, что годика через два ее прошибет, а пока чего ж, - ведь еще младенчик... Теперь мужики наперебой рассказывали девочке и друг другу, как Павленко ее в дом возьмет, какая жизнь у нее интересная там начнется. (Дом у Павленки был настоящий, не хлев, не гараж, не сарай, а изба-пятистенок с кирогазом и сиренью под окнами). - А перед избою будка, и в будке Полкан сидит. Я ему сосу - и он меня уважает, - говорил Сереега мечтательно. Радовался в душе за дочь.

Наступившая бурно весна заставила мужиков валяться на талой земле, пить, хмелея, из безбрежных холодных луж и ладить из глины и ивняка гнезда вернувшимся милым птахам. Глеб нырял во все полыньи, зубами ловил неловкую, еще сонную рыбу, а когда уха надоела, стал собирать улиток и червяков на согретых солнцем пенечках. От первой травки дристали все, но радовались весне, долгим и ярким дням, наступившему вдруг приволью. И если бы не возня с техникой, в теплицах и парниках, если бы не ругань и тумачи яркого на работу Павленки, было бы славно всегда так жить. Шалое настроение окутало мужиков, и Тазик однажды до крови заел Федота. Очухавшись, тот отчего-то захотел придушить Зигмунда и Нефедю. Серега и Глеб держали его за руки, Павленко хлестал по щекам, а Тазик сумрачно извинялся. Все это случилось на скотном дворе, и солнце уже припекало. Вдруг под ноги к мужикам выбежала, еще качаясь, Фенька и залепетала что-то матерное, простое и доброе, но тотчас же перешла на французский. Павленко остолбенел: - Кто девчонку выражаться так научил? Мужики молчали. - Ты?! - рявкнул председатель, хватая за волосю на груди Федота. Тот помотал кудлатую головой. - Может, ты?! - подступил с тем же Павленко к Хабибулину, но его он схватил за хуй. Хабибулин сморщился, закричал и, жалобно застонав, покосил куда-то глазом. Павленко метнулся к Сереге, но рядом стоявший Глеб шагнул вперед и замер, потупясь: - Это я, Никодим Петрович, - сказал решительно, только очень тихо. - А чего она говорит? Против меня, небось? - спросил Павленко. Он растерялся от внезапной смелости непонятного этого парня. - Она стихи читает вам, Шарля Бодлера. Называется «Альбатрос». - Переведи! - Птица такая есть, летает она над морем. А матросы ее поймали, измываются. А поэт - он, как птица эта, только летать не может. Вернее, может, но только в мыслях... - А мысли ему зачем, раз он птица? - не понял Павленко. - Хрена ль ты про поэта учишь ее? - закричал Федот, наливаясь кровью. - Он, поди, и дерьмо не ест! - Он и коров, небось, не дерет! - поддержал Нефед брата. - И с мужиками, наверное, не ебется, - заключил Павленко. - Хуя ли такому учишь? - С мужиками трахаются они... - возразил Глеб, но тихо, словно не решаясь еще признать вину. - Чем докажешь? - насел Павленко. - Верлен с Рембо ебся... - Еще! - Еще?.. Еще древние греки с мальчиками шалили... Еще Байрон с Шелли, также Шекспир, - но это доказать пока невозможно... - Че ж, больше поэтов никаких и не было? Или че ль? - спросили Федот с Нефедом, а Хабибулин прищурился, готовый высмеять, унижить, ошельмовать... - Они редко про это писали... - сказал Глеб. - Больше про баб. Было такое время: мужики с бабами жили, а остальное все осуждалось... - Если б не революция, так бы и маялись мы все... - вслух подумал Павленко. Вдруг хлопнул кепчонку в лужу и ухнул в присядку, подняв тучу брызг. Выкрикнул страшно, разбойно и удало:

Раз давала я солдату, Он в пизду мне вдел лопату, Раз давала моряку, - Он мне в жопу ввел пилу!

Мужики переглянулись, облегченно вздохнули: гроза, как будто бы, миновала. Хлопали в такт в ладоши, приплясывали. Фенька визжала истоиво, плескала из лужи на председателя. Тот схватил ее вдруг в охапку и закружил на месте. Девчонка завизжала еще радостнее, истощней. Федот с Нефедом повалились в грязь и ссали друг другу в рот. Тазик тронул за плечо Глеба, но тот рывком сбросил его руку, и Хабибулин, понурившись, отошел к Зигмунду. Поляк равнодушно согнулся. - Зря ты так с татаринном: отомстит! - шепнул Серега, но Глеб, не дослушав, придушил слова его истоивым поцелуем. Серега пил обильную сладкую слюну друга, но тревога только росла, подступала к самому сердцу, заливала холодом все нутро...

Беда случилась в мае уже, внезапно. Отрядил Павленко Хабибулина вместе с Глебом в город. Продали мужики на базаре колхозную ворвань, а после по дворам пошли: кому почистить сортир, кому прибрать. И зашли они во двор к одной женщине тихой, интеллигентной. Та была уже немолодая учительница. Увидала она двух голых колхозников и потупилась, вся зардевшись, - будто на улице никогда в жизни и не встречала. Мужики как бы и сами подрастерялись, а Хабибулин и говорит: - Так и так, хозяйка, сортиры чистим! Ворвани осталось немного; хорошая ворвань, нашенская, по двадцати копеечек полкило. Если ж вам нужно наладить что или ножи поточить, -и это можем. Обратнo ж, и мебель если... Женщина покраснела, потупилась и едва слышно лишь прошептала: - Сортир почистите мне, ребята... А когда вылезли Тазик с Глебом из него все потные и в дерьме, она занавесочку отогнула и их спросила: - Ребята, а вы никогда с женщиной не имели связи? - Нет, хозяйюшка, у нас только мужской колхоз! - ответил Тазик. А Глеб вдруг ногою по луже шваркнул, голову кинул коротким кивком на грудь и по-французски ответил ей, что он, дескать, Глеб с бабами трахался иногда в ранней юности, еще в Петербурге, а теперь даже уже забыл, чем обычно пахнет их «грот Венеры». И женщина - бывает же чудо на свете! - вдруг поняла и тоже ответила по-французски, что пизда пахнет обычно всегда мочою и что она (если он хочет) может напомнить ему об этом... Тазик вдруг каким-то задним чутьем смекнул, что затевается неладное дело, и возразил: - Хозяйка, вы деньги платите, и мы пошли! И чего это вы не по-нашему треплетесь? Я вот доложу председателю нашему Павленке, и он взъебку даст этому мудаку!.. - Вы, говорят, рожаете друг от друга? - осторожно спросила женщина, доставая уж портмоне. - Увы, мадам! - вскричал вдруг Глеб. (Он точно с цепи сорвался). - У меня есть дочь, но родил ее мой дружан Серега. А сыновья тоже у каждого из нас есть, но они все - дети еще или подростки и большей частью служат в борделях по городам. Подрастут - и вернутся в колхоз к нам, пахать земельку... - А вы образованный человек, - вот девочка у вас внезапно и

родилась! - возразила женщина и зазвенела монетами осторожно. - Пошли, что ли! - толкнул Глеба плечом Тазик. - погоди, татарин, - заметил серьезно Глеб. - Ты с бабою никогда не ебся, одни наши жопу да рот лишь знаешь, а пизда ведь - это куда как слаще! Хабибулин зло и хитро блеснул глазами: - Ты Павленке про это бы рассказал, паскуда! - Мужички, не ругайтесь, пожалуйста! Я же вам не Павленко ваш! - пропела женщина очень нежно. (Голубая косыночка у нее на груди часто вздрагивала теперь). - Давайте, я вас из шланга обдам и чаем потом напою! А любиться - уж как хотите... Глеб решительно шагнул к окошку: - Я очень рад, мадам! Женщина всплеснула руками и побежала за шлангом. - Тебя же Павленко пришьет, зарежет! - зашипел татарин. - Ты не вякнешь ему - ничего он и не узнает! Да ты сам пизды попробуй-ка, Хабибулин! Потом ведь станешь благодарить... - Не хочу я пизды! Зачем мне пизда? - как-то испуганно зачастил Тазик. - Я татарин, я мусульман, мне четыре жены нужны! А прокормлю ли я четырех-то баб? - Но пизды хоть попробуешь, идиот! На халявку-то! - Я знаю, зачем ты так говоришь! - закричал Тазик. - Чтобы я Павленке тебя не закладывал... Глеб мотнул головой упрямо: - Да мне плевать! Я бабу сейчас хочу, ебаться с нею хочу ужасно! А что дальше со мною будет... Да срать я на вас хотел!.. - На кого срать?! На колхоз срать?! На Павленку, на председателя нашего, срать хочишь?! - закричал Хабибулин, было, но женщина со шлангом уже направлялась к ним. Она шла ладная, легкая не по летам. Вечерний ласковый ветерок играл ее голубой косыночкой. Полуседые волосы женщины теперь были заколоты над ушами двумя красивыми пластмассовыми заколками в виде ромашек. Женщина улыбалась светло и просто. Глеб охнул и немного осел, получив первый удар тепловатой струи чуть ниже сердца. Но тотчас он радостно, споро стал обмывать себя и даже подумал, не попросить ли кусочек мыла... Но засмутился, промывая себя под мышками и в паху, и промолчал зачем-то. Женщина, прищурившись, от души любовалась блестящим в предзакатных лучах молодым стройным почтительным мужиком. Потом направила шланг также на Хабибулина. Этот был жилистее, темнее, с черной от меха широкой грудью. Густые волосы на ней точно вскипали под ударами пристальной, волшебной сверкающей струи. Хабибулин сначала вяло водил руками по телу. Потом, ослабившись, стал мастурбировать откровенно. Струя пыталась бороться с дряхлой рукой, точно стараясь сшибить ее с кривоватого, смуглого хуя. Глеб хотел помешать ему кончить, но Хабибулин оттолкнул его локтем так, что Глеб, поскользнувшись, растянулся в луже. И пока он пытался подняться, Тазик спустил мутноватую, пеннистую струйку прямо ему на темя. - Сволочь! - только и выдохнул Глеб. Хабибулин смотрел на него теперь подчеркнуто равнодушно: - Хочешь - еби ее. А мне пока и тебя не надо... Глеб понял, что обречен. Но какой-то злой, веселый азарт поднял его с земли. Ни слова не говоря, он бросился к женщине, вырвал шланг, поднял ее на руки и унес в дом, стукнув, правда, головой о притолоку. Тазик пожал плечами и отряхнулся. Солнце уже садилось, в саду становилось таинственно-мглисто, защелкал вдруг соловей. Хабибулин снова пожал плечами и осторожно прокрался к дому. Веранду до половины закрывали облака белой сирени. Зато в окно комнаты он мог увидеть угол накрытого к чаю стола, желтенькую клеенку, какие-то бублики в корзиночке из фарфора, а дальше - темный буфет у стены. Тазик остро вдруг пожалел, что не напросился на чай хотя бы. Он перелез к другому окну. За ним была кухня с опрятной плитой, с настоящей мойкой, блестящей в последнем закатном луче. Хабибулин засмотрелся на нее невольно. Однако стоны из окошка за углом заставили его метнуться туда. Он споткнулся о бревно, больно ударился о него коленом, но зато смог потом подняться на это бревно повыше. Дальний угол комнаты с розовыми обоями, с тканым серым ковриком на стене открылся ему. И то, что открылось Хабибулину на широкой, сверкающей металлом кровати, заставило его замереть, затаить дыханье. Тазик увидел, как спина Глеба выгнулась дугой упруго и сначала страшно набухла мускулами везде, потом вдруг резко опала, но вдруг снова вся напряглась... Так продолжалось с минуту, ритмично, все убыстряясь. Наконец, спина его вдруг как-то совсем расслабилась. Глеб отвалился к стене, и Хабибулин увидел его дрожащий, косо и алый, блестящий член. Однако не это тотчас приковало внимание Тазика. Красная, какая-то вся в складках, с слипшейся, косо торчавшей налево пегой волосней, с бардовым прыщиком над жадной щелью, края которой стали уже сходить... - «Ну и что? Подумаешь - жопа мохнатая!» Хабибулин все-таки не поверил, что такое может увлечь всерьез: Неужто под мышкой у Нефеда хуже? Или у Глеба на голове? Или в узкой, поросшей щетинкой заднице у того же Зигмунда (хоть он и пленный)? - «Да и маленькая она!» - подумал Тазик. - «Разве ребенок через такое вот просочится?..» Эта загадка зацепила и стала терзать Хабибулина. Чтобы получше разглядеть пизду, он приподнялся над подоконником и вдруг увидел странный маленький ящик в углу. Передняя стенка его светилась чуть дрожавшим голубоватым светом. Тазик не сразу разглядел в этом дрожании человечка в галстук. Тот говорил что-то серьезное, - точно он укорял отъебавшихся только что. Хабибулин не раз видел это длинное губастенькое лицо на рынке, на плакате над главным входом. Тазика точно ледяною водой окатило: - «Суки! При президенте ебутся!.. Животные прям...», - подумал татарин. Ему вдруг остро захотелось позвать мента, кликнуть и понятых, принять участие в составлении протокола, - а может быть, под шумок и отпиздить и Глеба, и эту бабу. Но Хабибулин понял, что лучше рассказать обо всем Павленке. Может, он получше придумает что-нибудь. Тазик слез с бревна и вернулся на мокрый двор.

В деревню возвращались уж за полдень. Белое солнце вовсю жарило из самой вершины небес, и короткая тень давала слабенькую прохладу. Глеб шагал беспечно. Взяв пруттик, он сшибал пыль с придорожных больших лопухов. Он насвистывал что-то плавно-взволнованное. Тазик брел неспешно. Оба молчали. Мимо промчалась полторка с бидонами молока. Знакомый шофер показал им в кабине палец. Тазик подумал, что, может, он остановится и «пошуткует» с

ними. Отчего-то ему остро захотелось хуя в себе в эту минуту. Однако машина свернула на бетонку к колхозу «Красная лесбиянка» и бодро затарахтела по ней, как будто над шоферюгой там глумиться сейчас не будут. Тазик прислушался к насвистыванию Глеба, не угадал мелодию и спросил, что за песня. - «Вальс-фантазия» Михаила Глинки. Тебе, татарину, не понять такое... - Какое это «такое», Пиздун Пиздович? - А вот такое: бал, белый с позолотой зал, три громадные люстры, точно созвездья, сверкают над головой. А ты - в мундире черном с красным воротником, в белых чулках и башмаках с золотыми пряжками. А она - вся в светлом, точно в клочке тумана. Нежная молодая грудь ее волнуется, и ты понимаешь шестым каким-то чувством, что у нее под дымкой, там, немножечко уже влажно. И у тебя немного твердеет и чуть влажно уже... - Под дымкой? - Заткнись, татарин! В штанах, конечно. И вот ты, наконец, подождишь к ней и по-французски, как человек... Глеб хлестнул прутиком по ноге, резко остановился: - Не хочу я в колхоз возвращаться! - вдруг выдохнул он с тоской. - Ты чего и говоришь-то такое? - остановился и Хабибулин. - А то, урюк, что сбегу я от вас от всех на хуй! - А дочка как же? - Что ж и дочка? Все одно отдадите в бляди... - А может, не отдадим? Сами с ней жить будем, всем колхозом! Павленко вроде бы обещал... Тазику стало не по себе: он ведь знал, как любит дочурку Глеб. И если тот готов теперь, после пожилой городской пиздищи, дать деру даже от Феньки милой, значит он, Глеб, или с ума сошел, или заразился чем-нибудь от той красненькой, в волосах... - Неужто так забирает это?.. - осторожно спросил Тазик. - Эх, урюк! Твое дело - мужиков ебать, а не думать о красоте надмирной... Хабибулин насторожился. Понял, что нужно обидеться, и сказал: - Я Павленку, знаешь, что попрошу? Чтоб он тебя в чан с дерьмом посадил на пятнадцать суток! Он не откажет мне: добрый он! - Эх, Хабибулин! - ответил, презрительно усмехнувшись, Глеб. - Знал я, что ты говно. Но что ты еще и стучишь Павленке... Тазик ощерился: - А что мне молчать? Вы меня все урюком дразните. Я вас ебу и от вас же всегда одно поношенье слышу! - Просьба к тебе есть, Тазик! - вдруг сказал Глеб очень серьезно и положил руку Хабибулину на плечо. - Если Павленко меня в дерьме утопит, ты обо всем увиденном Фенюшке, когда вырастет, расскажи! Если кушать меня не будете, то похороните меня под тремя березами на косогоре, что возле ульев. И поставьте какой-нибудь знак. Камень хотя бы. Пускай она, когда взрослой станет, к камню тому приходит и все о себе мне рассказывает. А я, - я и с того света ее услышу! - А бежать расхотел уже? - прищурился Хабибулин. - Куда бежать-то? - усмехнулся Глеб горестно. - В «Красную лесбиянку» - так камнями там забросают. В город податься - а паспорт где? Через три дня заловят - ну и в расход. А до границы идти далеко и стремно. Глеб опять тяжело вздохнул, махнул рукой и решительно пошагал вперед.

К деревне они подошли под вечер. Закат изрумянил облака над прудом, а тень от леса вытянулась до середины поля. Сразу бросилось в глаза, что на бороздах его не было не души. Не рано ли кончили сегодня работы? Отчего-то не только у Глеба, но и у Тазика сердце сжалось нехорошим предчувствием... Они вошли в пустую деревню. В огородах тоже никто не копошился. И даже на задворках лавки, в круглогодичной луже, не лежало ни одного человека. Тазик и Глеб завернули за угол и вышли на пустырь площади перед правлением. Здесь и сгрудился весь народ. Мужики стояли понурые, никто никого не пихал даже в шутку, никто никого не трогал за яйца нежно и не насмешничал по поводу поебона. У крыльца правленья стоял седой от пыли «газик». Какой-то статный мужик в рыжем кожане и защитного цвета крагах кончал речугу: - С-суки! Чтобы такое у меня было в последний раз! Девку, вишь, от отчетности утаили, пидарасы ебучие... А тебе, Павленко, наш особенный, партийный выговор! Ежели ты против устава партии еще хоть разик один попрешь, мы тебя самого девкой заделаем! - Фенюшка!.. Фенька!.. Феня!.. - слабо вскрикивал Серега. Он стоял на коленях у переднего колеса машины и возил рылом по серой шине. На резине проступали черные блестящие полосы от обильных, бессильных слез. Фенька в прорванной майке Павленки испуганно жалась к председателю колхоза, накрепко обхватив его щегольской сапог. Она отражалась в черном его голенище странным розовым облачком. Начальник из города, между тем, размахнулся и вмазал Павленке в нос. Председатель коротко охнул, шатнулся, но устоял на ногах. Вину, видать, очень остро чуял. Начальник из города брезгливо стряхнул кровь с кулака: - Короче, девчонку - ко мне в машину, Павленке - строгача с занесением в трудовую книжку, а всем в колхозе запрещая ебаться четыре дня! - Донечку-у! - заревел Серега и вдруг осекся: прямо перед городским начальством возник весь белый, страшно прямой и прекрасный Глеб: - Я узнал вас, подлец! - сказал он ясно и как-то даже без всякого особого выраженья. - Это вы тогда привели ко мне матросов! Это вы были первым мужчиной, кто поимел меня! Мерзостный совратитель!.. Но вот вам мало уже отца, - вы и за дочку его решили взяться!.. Так вот же вам!.. И Глеб отвесил начальству яркую оплеуху. - Об чем он базарит, братцы? - загундела, забеспокоилась меж собою площадь. - Девку его в город, к начальству в бардак берут, а ему и это, видать, неладно?.. Павленко, наконец, очнулся. Маузер блеснул у него в руках. Раздался выстрел, и другой, и третий... Глеб удивленно обернулся к Павленке, уставился на него и медленно стал оседать в седую пыль, под ноги городскому начальству. Мужики замерли. Они все увидели, как душа Глеба, в белом во всем и чистая, без щетины, невесомо прошла между ними, никого не касаясь и глядя куда-то с улыбкой вдаль. И исчезла в закатных розоватых уже лучах. Следом за нею, как зачарованная, двинулась, было, Фенька. Она прошла уже половину толпы, когда Серега, охнув, метнулся с колен за нею. Но Тазик и Зигмунд разом подставили ему ноги. Что двигало ими в этот миг, - они и сами потом не смогли понять. В создавшейся куче-мале разобрались не сразу. А когда снова вспомнили о девчонке, ее уж и след простыл...

Читать ещё

- [Буржуй](#)